

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СУБЪЕКТНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С. Шахрай. КАК Я НАПИСАЛ КОНСТИТУЦИЮ ЭПОХИ ЕЛЬЦИНА
И ПУТИНА. М.: Синдбад, 2021. – 428 с.

© 2023 г. А. Г. Хабибулин^{1, *}, Ф. Х. Галиев^{2, **}, А. Х. Султанов^{2, ***}

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

²Уфимский университет науки и технологий

*E-mail: 21alik@mail.ru

**E-mail: galievfarkhat@mail.ru

***E-mail: harisovich58@mail.ru

Поступила в редакцию 21.03.2023 г.

Аннотация. Формат автобиографического повествования позволяет проследить не только основные этапы жизненного пути его героя, но и получить более полное представление о событиях прошлого, когда неизбежно возникает желание согласиться, а в чем-то и не согласиться с авторским видением и восприятием событий, людей, особенностей формирования новых основ российской государственности.

Заслуживает внимания достаточно объемное повествование автора о работе Первого Съезда народных депутатов РСФСР, где он был избран Председателем Комитета Верховного Совета РСФСР по законодательству. По должности он также вошел в состав Президиума Верховного Совета РСФСР, который возглавил избранный на съезде Председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин. Постоянное общение с руководителем российского парламента помогло сформировать у автора мемуаров и его коллег четкое представление, которое позволило убедить Б.Н. Ельцина в необходимости принять в качестве первого практического шага нового парламента закон о референдуме. Очевидно, что подобное решение позволило преодолеть многие негативные последствия, которые стали результатом происходивших невиданных ранее политических процессов в обществе в начале 90-х годов прошлого столетия. Создание механизма проведения референдумов позволило главе государства в значительной мере сохранять контроль за развитием ситуации в стране.

Отметим простой, доступный для читателя язык повествования, в книге содержатся авторские оценки жестких по своему содержанию юридических баталий, эмоционально окрашенных политических столкновений, приведены ёмкие, но в то же время объективные характеристики государственных и общественных деятелей. Можно сказать, что автор своей работой стал предтечей для тех, кто решится написать подобные мемуары, тем более, когда речь идет о таком сложном периоде, начало которому было положено событиями 30-летней давности.

Ключевые слова: съезды народных депутатов РСФСР, референдум, социальное государство.

Цитирование: Хабибулин А.Г., Галиев Ф.Х., Султанов А.Х. Особенности становления политико-правовой субъектности современной России

С. Шахрай. Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина // Государство и право. 2023. № 7. С. 55–62.

DOI: 10.31857/S102694520026682-1

FEATURES OF THE FORMATION OF POLITICAL AND LEGAL SUBJECTIVITY OF MODERN RUSSIA

S. Shakhrai. HOW I WROTE THE CONSTITUTION OF THE YELTSIN AND PUTIN ERA. Moscow: Sindbad, 2021. – 428 pp.

© 2023 A. G. Khabibulin^{1, *}, F. Kh. Galiev^{2, **}, A. Kh. Sultanov^{2, ***}

¹Lomonosov Moscow State University

²Ufa University of Science and Technologies

*E-mail: 21alik@mail.ru

**E-mail: galieyfarkhat@mail.ru

***E-mail: harisovich58@mail.ru

Received 21.03.2023

Abstract. The features of an autobiographical narrative allows the reader to trace not only the main stages of the life path of the hero of the story, but also to get a more complete picture of the events of the past, when the desire inevitably arises to agree, and in some ways disagree with the author's vision and perception of events, people, features of the formation of new foundations of Russian statehood.

The rather voluminous narrative of the author about the work of the First Congress of People's Deputies of the RSFSR, where he was elected chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the RSFSR on legislation, deserves attention. By virtue of his position, he also became a member of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR, which was headed by B.N. Yeltsin. Constant communication with the head of the Russian parliament helped to form a clear idea among the author of the memoirs and his colleagues, which made it possible to convince B.N. Yeltsin of the need to adopt the law on a referendum as the first practical step of the new parliament. It is obvious that such a decision made it possible to overcome many negative consequences that were the result of unprecedented political processes that took place in society in the early 1990^s in the last century. The creation of a mechanism for holding referendums allowed the head of state to largely maintain control over the development of the situation in the country.

We note the simple language of narration that is accessible to the reader, the book contains the author's assessments of legal battles that are tough in their content, emotionally colored political clashes, capacious, but at the same time objective characteristics of statesmen and public figures are given. It can be said that the author, with his work, became a forerunner for those who dare to write such memoirs, especially when it comes to such a difficult period, which began with the events of thirty years ago.

Key words: congresses of people's deputies of the RSFSR, referendum, welfare state.

For citation: Khabibulin, A. G., Galiev, F. Kh., Sultanov, A. Kh. (2023). Features of the formation of political and legal subjectivity of modern Russia

S. Shakhrai. How I wrote the Constitution of the Yeltsin and Putin era // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 55–62.

Как правило, в публикациях подобного рода принято давать краткую характеристику человеку, перу которого принадлежит рассматриваемая работа. Мы сочли очевидным привести обзор содержания воспоминаний, размышлений, оценок автора, после прочтения и осмысления (подчас и переосмысления) которых неизбежно возникает лицо автора со своим видением и восприятием окружающего мира.

Перед читателем предстает жизненный путь человека, в далекой юности ринувшегося из провинции покорять столицу. Надо отдать должное автору книги, который с первых страниц вспоминает своих учителей. И первым, о котором пишет С.М. Шахрай, был Давид Львович Златопольский,

ставший его научным руководителем в работе по подготовке диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Перед нами образ представителя молодого поколения, которому, как и многим другим в то время, неслыханно повезло. У них были учителя, обладавшие огромным жизненным опытом и достигшие высот в своей профессиональной деятельности. В книге особо выделен тот факт, что Д.Л. Златопольский в годы Великой Отечественной войны служил офицером в рядах советской военной контрразведки («Смерш»).

К 1985 г., когда М.С. Горбачев приступил к осуществлению знаменитой концепции перестройки, С.М. Шахрай был кандидатом юридических наук

«и самым молодым ассистентом кафедры государственного права и советского строительства юридического факультета МГУ. А в 1987 году... возглавлял первую в СССР лабораторию правовой информатики и кибернетики» (с. 12).

На страницах книги воспроизводится картина острейшей борьбы на выборах народных депутатов РСФСР, которые прошли 4 марта 1990 г. В 10-м Центральном национально-территориальном избирательном округе Московской области сошлись в дебатах 17 кандидатов. В результате второго тура голосования 18 марта 1990 г. победу одержал молодой юрист, ставший в одночасье известным в России политическим деятелем.

В опубликованных воспоминаниях приводится последовательный рассказ о работе Первого Съезда народных депутатов РСФСР, где С.М. Шахрай был избран Председателем Комитета Верховного Совета РСФСР по законодательству. По должности он также вошел в состав Президиума Верховного Совета РСФСР, который возглавил избранный на съезде Председателем Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцин. Постоянно общаясь с Борисом Николаевичем, С.М. Шахрай сумел убедить его в необходимости принять в качестве первого практического шага нового парламента закон о референдуме. Как известно, данный акт позволил преодолеть многие негативные последствия, когда в начале 90-х годов прошлого столетия в обществе происходили невиданные ранее политические процессы. Создание механизма проведения референдумов позволило главе государства в значительной мере сохранять контроль за развитием ситуации в стране.

Особый интерес для читателя-юриста представляют страницы, где описывается процесс подготовки автором книги совместно с Сергеем Сергеевичем Алексеевым «президентского» проекта Конституции. Данный вариант был готов в апреле 1993 г. Обращает на себя внимание важный теоретический аспект, получивший отражение в процессе разработки текста документа: «В работе над нашим совместным проектом Сергей Сергеевич широко использовал свои идеи о “Конституции Человека”. Его концепция Основного закона, который “ставит человека, с его высоким статусом и неотъемлемыми правами, над властью”, полностью соответствовала подходам президентской команды и самого Ельцина».

Авторы исходили из основополагающего момента, при котором произошел «полный отказ от “вертикали Советов” и выведение Президента Российской Федерации из классической системы разделения властей. Последнее решение, — подчеркивает С.М. Шахрай, — это не наше изобретение. Фактически в модели президента, стоящего над всеми ветвями власти, нашли воплощение взгляды великого русского реформатора и законодателя

Михаила Михайловича Сперанского на “оптимальную для России” конструкцию государственной власти и на роль главы государства» (с. 60). Чуть позже автор вновь возвращается к вопросу о статусе главы государства в проекте Конституции: «Мы отошли от классического разделения властей и вынесли президента “за рамки”, вернее, поставили “над” ними: российский президент, как глава государства и арбитр, не входит ни в одну из ветвей власти. Кстати, он в нашей Конституции не один такой. Центральный банк, прокуратура, Счетная палата, уполномоченный по правам человека, Центральная избирательная комиссия — это также государственные органы “вне” механической схемы разделения властей, с особым статусом и компетенцией» (с. 74).

Сегодня актуальными представляются многие наблюдения автора, вспоминающего нелегкий путь подготовки проекта Конституции. Как известно, в процессе обсуждения ее текста многие теоретики в сфере конституционного права выступили категорически против ст. 7, где определялись параметры социального государства. Большинство оппонентов в унисон утверждали, что подобная формула означает возврат в «советское прошлое». Сергей Михайлович в ответ на подобные утверждения приводит весьма оригинальную трактовку: «И еще одну позицию мы записали на этот лист (правда, исключительно по настоянию Сергея Сергеевича, за что я перед ним снимаю шляпу) — это формулировка: “Российская Федерация — социальное государство”. Я, нужно сказать, тогда яростно возражал Алексееву, все твердил, что “это не юридическая, не конституционная терминология”. А он мне в ответ: “Сергей, мы выходим из коммунизма, мы живем с теми людьми, которые нашу страну создавали, живут в ней. И сейчас не сказать о том, что социальный характер хотя бы как цель является ориентиром для всего государства, будет нашей с тобой огромной ошибкой» (с. 72).

Однако следует иметь в виду, что в рецензируемой работе речь идет о событиях 30-летней давности и, возможно, С.М. Шахрай мог что-то упустить и запечатлеть.

Так, один из авторов проекта Конституции С.С. Алексеев, координировавший на Совещании работу палаты, объединявшей товаропроизводителей и коммерсантов, который уже на заключительной стадии Конституционного совещания, 15 октября 1993 г., выступил на заседании Комиссии по доработке проекта Конституции РФ с пространным заявлением. В частности, С.С. Алексеев, выражая позицию палаты, работу которой он координировал, высказал мнение, что в результате достигнутых на Конституционном совещании компромиссов проект Конституции утратил «последовательно

демократическое передовое содержание»: «Поскольку я как человек, занимающийся философией права, не государствовед, участвовал в разработках вот этой концептуальной стороны, то должен сказать, что в основе первоначального проекта было заложено, что Конституция в соответствии с самыми новейшими тенденциями в конституционной жизни должна стать Конституцией человека. Не Конституцией власти, не Конституцией мировоззрений и идеологий, а Конституцией человека. И поэтому в ней первые же статьи были сразу же посвящены абсолютности, ненарушаемости, предельной защите прав человека. И это, по замыслу, должно было служить камертоном всему содержанию. Президентская или парламентская власть — на мой взгляд, это вещь вторичная. А главное, чтобы выше всего стали права человека, защищаемые судом, правосудием.

К сожалению, в результате работы, внесения поправок, а поправки всегда приводят к тому, что какая-то усредненная величина получается, вот эта стержневая исходная линия улетучилась, исчезла. На первое место встали общие положения. Фундаментальные права человека были приравнены к социально-экономическим правам, хотя это принципиально разные категории с точки зрения фундаментальных подходов.

И второе. В проекте появились — я скажу чуть-чуть жестко, извините меня тоже за это — известные просоветские элементы, то есть элементы, связанные с советским видением Конституции. Начинается Конституция с общих положений, как и во всех конституциях. Возьмите все наши предшествующие Конституции — общие положения были замечательные. И здесь замечательные общие положения, носящие в значительной степени декларативный характер. Появилось социальное государство — это уже идеологический подход, потому что социальное государство представляет собой социал-демократическое видение всей этой материи. Я бы мог указать еще на ряд других моментов, которые свидетельствуют об этом.

У нас у всех еще сильны постулаты прежней идеологии, подходов, и особенно в первых группах эти советские моменты были довольно сильны. А вот я как координатор пятой группы, группы товаропроизводителей, коммерсантов, могу сказать, что ими это отвергалось категорически. Все же в конечном счете в результате голосования большинством голосов эти моменты оказались зафиксированными. И поэтому проект Конституции принял во многом теоретический, в чем-то даже идеологический характер»¹.

¹ Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. М., 1996. Т. 18. С. 78, 79. Истины ради, следует заметить, что позиция С.С. Алексеева явилась изложением не только личной точки зрения ученого, но и обобщенным выражением мнения значительного числа участников Конституционного

На этом же совещании выступил Б.С. Эбзеев: «Ни одна политическая сила, которая, скажем, в данный момент в обществе одержала победу (для меня это большой вопрос — есть ли победа той или иной политической силы в данной ситуации), не может продиктовать свою волю всему обществу в виде Конституции. Если мы отрешимся от того, что Конституция является выражением соотношения сил в классовой борьбе, если мы поймем, что Конституция претендует на то, что она будет документом согласия и стабильности в обществе, если мы претендуем на то, что Конституция должна быть действительным выражением баланса действительных интересов различных социальных слоев нашего общества, то мы не должны соглашаться с тем предложением, которое высказал уважаемый Сергей Сергеевич, — отбросить все то, что было наработано в ходе Конституционного совещания, и вернуться к тому первоначальному проекту, который был предложен двумя авторами, во всяком случае значился он именно с двумя фамилиями — Алексеев, Шахрай либо наоборот.

Идея социального государства является по существу не чем иным, как выражением коллективного начала в организации нашего общества, является не чем иным, как выражением социальной роли государства. И эта идея и форма ее воплощения, выражения в Конституции имеет достаточно четкое и определенное нормативное и юридическое содержание, и по этой причине отказываться от этой идеи я лично также не считал бы для себя возможным. Более того, может быть, именно эта идея является чрезвычайно важным выражением демократической направленности того проекта Основного Закона, который был подготовлен в процессе работы Конституционного совещания в целом, его секций и рабочей группы, сидящей здесь»².

Подводя итог состоявшейся затем длительной дискуссии по данной проблеме, Б.С. Эбзеев заключил:

совещания (Н.В. Быков, С.В. Вобленко, С.Н. Красавченко, Н.В. Соловьев и др.). В частности, поддерживая мнение представителя Российской конференции свободных профсоюзов Н.В. Соловьева, полагавшего, что «под видом социального государства... протаскивается тоталитарное государство», А.А. Собчак даже увязал конституционное оформление этого принципа с фашизмом, утверждая, что само слово «социальный» появилось в Конституции у национал-социалистских режимов, затем оно было включено в соответствующие конституции как результат компромисса. «Так возникло понятие “социального государства”», — заключил А.А. Собчак (см.: там же. Т. 5. С. 350–352), проигнорировав при этом как исторические факты, так и конституционно-правовое содержание этого принципа, да и основную тенденцию европейского конституционализма, начало которой было положено Веймарской конституцией Германии 1919 г., но никак не германским национал-социализмом.

² Там же. Т. 18. С. 82, 83.

«Наше государство — это не ночной сторож, а именно социальное государство»³.

Любопытно читать констатацию автором последующего развития нового Российского государства, когда указанная норма впоследствии «стала любимой статьей конституционных судей, потому что всегда позволяла, будь то дело чернобыльцев или дела, связанные с какими-нибудь другими социальными выплатами, пенсиями, пособиями, трактовать ситуацию через эту самую седьмую статью: да, рыночная экономика, да, частная собственность, но государство также имеет конституционную обязанность сохранять социальный мир и выполнять обязательства социального характера» (с. 72, 73).

Следуя принципам объективного изложения событий, в воспоминаниях отмечается активная роль Б.Н. Ельцина в ходе обсуждения отдельных положений проекта Основного Закона. В частности, «в ходе одного из обсуждений Борис Николаевич даже не стал этот момент дискутировать, а жестко сказал, что ситуация в стране такова, что обязательно надо вписать в Конституцию право президента издавать указы, которые обладают силой закона. Ельцин считал, что без этого при оппозиционном парламенте, бесконечно вставляющем ему и правительству палки в колеса и не принимающем никаких важных для развития страны решений, он обойтись не сможет. Просто не сможет делать дело, ради которого он стал президентом страны.

И как показала история, он был прав. Примерно до второй половины 1990-х годов Ельцину пришлось издавать свои указы, имеющие силу закона, чтобы продолжать реформы, строить новую экономику и государство. Понятно, что парламент был против» (с. 76).

Автор книги демонстрирует нередко способность переходить в своих рассуждениях от шутки к серьезным обобщениям. Так, в ответ на вопрос: «Что еще вы не успели записать в своем варианте проекта Конституции?», С.М. Шахрай пишет, что в шутку парировал: «Мы с Сергеем Сергеевичем не записали, что брак — это союз мужчины и женщины, заключенный по любви.

Но, оказывается, что в нынешние времена эта шутка перестала быть шуткой. Собеседники теперь всерьез допытываются: “А почему не записали? Разве это не надо прописывать в Конституции?”. Я отвечаю: “Мы не записали, потому что посчитали любовь неконституционной материей. Ведь речь идет о личных и интимных отношениях между двумя — мужчиной и женщиной. А теперь, глядя на то, что с институтом семьи в мире и в стране происходит, думаю, что, может быть, надо было сразу написать пару строк на эту тему”.

³ Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. Т. 18. С. 436.

Подобная норма давно записана в Конституции Болгарии, в 2013 г. появилась по результатам референдума в Конституции Хорватии. А с 2020 г. есть и у нас» (с. 81, 82).

Разумеется, что особый интерес для читателя представляет раздел книги, где говорится о процессе распада Союза ССР. Приводится обстоятельная хронология событий, согласно которой в августе 1991 г. приняли решение о государственной независимости Азербайджан, Белоруссия, Киргизия, Латвия, Молдавия, Узбекистан, Украина и Эстония, в сентябре — Армения и Таджикистан, в октябре — Туркменистан. Автор напоминает, что еще раньше, в марте 1990 г. и в апреле 1991 г., вновь избранные представительные органы Литвы и Грузии объявили о выходе этих двух республик из состава союзного государства. К декабрю 1991 г. в составе союзного государства фактически остались Казахстан и Россия.

«Последнюю точку, — пишет С.М. Шахрай, — в этой разрушительной работе поставили результаты украинского референдума 1 декабря, когда абсолютное большинство граждан республики поддержало объявление независимости Украины и последовавшее за ним 5 декабря решение Верховного Совета Украины о денонсации Договора о создании Союза ССР 1922 года» (с. 124).

Автор как непосредственный очевидец событий утверждает: «Ельцин и Шушкевич поначалу надеялись уговорить Кравчука сохранить Союз хоть в каком-нибудь виде... Однако украинский президент не желал даже слышать слово “Союз”.

<...> Окончательно идея оформилась, когда Ельцин, Шушкевич и Кравчук втроем провели переговоры в закрытом режиме. Никакие помощники на эти переговоры допущены не были. Потом они вызвали нас и объявили, что договорились так: СНГ вместо СССР, экономическое пространство — единое, а ядерное оружие — у России. “Идите, — сказали, — оформляйте в виде договора”» (с. 126, 127).

При составлении документа исходили из того, что в Вискулях собрались руководители трех из четырех республик, учредивших СССР в 1922 г.: Белоруссии, России и Украины. Четвертая республика — Закавказская Федерация — прекратила свое существование в 1936 г. В книге приводится заключительный вывод в тех рассуждениях декабря 1991 г., который получил следующее оформление: «То есть было абсолютно очевидно, что трое из четырех “отцов-основателей” имели полное юридическое право обсуждать судьбу Советского Союза.

В итоге родилась формула соглашения, которая состояла из двух частей. Первое: государства-учредители констатируют факт смерти образованного ими государства — Союза ССР. Второе: Россия, Украина и Белоруссия (опять же в качестве учредителей)

объявляют о создании нового объединения — Содружества Независимых Государств» (с. 127).

Говоря о причинах распада союзного государства, автор неоднократно ссылается на существующие документы, где говорилось о попытках руководства СССР «расколоть» РСФСР путем выравнивания статуса союзных и автономных республик. «10 и 26 апреля 1990 года, — утверждает С.М. Шахрай, — Верховный Совет СССР под председательством Лукьянова принял два внешне очень демократических и справедливых закона, которые начали выравнивать статус и права автономных и союзных республик. И если первым актом резко расширялась экономическая самостоятельность автономий, то второй пошел еще дальше: в нем автономные республики были названы государствами, являющиеся субъектами федерации — Союза ССР» (с. 137).

Дальше — больше. «Помимо “плана автономизации” у союзного центра в борьбе с новым российским государством были и другие идеи. Например, 14 июля 1991-го в “Известиях” был опубликован документ в рамках подготовки к сентябрьскому заседанию политбюро и пленума ЦК. Там предлагалось создать на территории РСФСР семь союзных республик. Вместо одной России — семь новых» (с. 138).

Большой интерес вызывают рассуждения автора, согласно которым с начала 1990-х годов в России «одновременно воплощаются и конкурируют между собой не одна, а сразу три модели федерализма.

Первая — это модель кооперативного федерализма. Именно такую модель я закладывал в Конституцию Российской Федерации. Суть ее состоит в развитии отношений координации и сотрудничества между федерацией и ее субъектами, для чего создаются соответствующие условия — и в праве, и в виде разных государственных структур» (с. 189).

«Модель параллельного федерализма, — пишет С.М. Шахрай, — родилась в головах руководителей ряда российских регионов. Идея была проста: не нужны нам никакие предметы совместного ведения, давайте полностью поделим вопросы, за которые отвечает центр, и те, за которые отвечают субъекты. То есть теряется вообще какой-то повод для взаимодействия, и наша федерация плавно превращается в лучшем случае в конфедерацию, а то и вообще разваливается на удельные княжества.

Что касается модели унитарного федерализма, то это наследие старых советских времен и чиновничьих традиций. Ее двигают главным образом “федералы”. Тут все просто: культ единообразия. Все команды идут сверху, а разные федеративные “бантики” — только камуфляж для прикрытия централизации» (с. 189, 190).

Особую ценность представляют размышления автора по поводу развития указанных тенденций в современных условиях, когда он пишет: «Возникает большой соблазн сказать, что сегодня мы наблюдаем победу унитарного федерализма. То есть победу централизации над федерализмом, над самостоятельностью регионов, над свободой маневра в рамках своих предметов ведения.

Однако более внимательный анализ показывает, что реальной победы унитарного федерализма не произошло. Некоторые потери понесли главы регионов. Их исключили из Совета Федерации и до возвращения системы прямых выборов назначали при участии местных парламентов. Есть факты администрирования, попытки поделить территорию страны на равные по площади и количеству населения части. Однако что касается реальных полномочий субъектов федерации, то они в основном сохранились. Более того, в ходе бюджетной реформы произошло более четкое разграничение полномочий различных уровней власти. Даже договорная практика — один из главных объектов атаки унитаристов — сохранилась и развивается на новом этапе» (с. 190, 191).

Заслуживает прямого цитирования следующий пассаж рассуждений С.М. Шахрая: «В современных условиях любому государству приходится очень трудно. Снаружи давит глобализация, изнутри — стремление людей и регионов пожить своей жизнью, отдельно от всех этих борений и метаний. Особенно такое **оукливание** (выделено нами. — А.Х., Ф.Г., А.С.) происходит в кризисных ситуациях, как коронавирусная пандемия, которая не только перекрывала внешние границы, но и разрывала связи между городами, между людьми.

Очевидно, что перед лицом глобальных вызовов роль государства должна усиливаться. Но, на мой взгляд, роль централизации, контроля, тенденции к закрытости и отказу от сотрудничества на международной арене делают любое государство не сильным, а хрупким. А нам нужна гибкость, которую дает федерализм. Государство должно научиться использовать “двойные” конкурентные преимущества: с одной стороны, от новых глобальных технологий, с другой — от уникального потенциала, которое создает внутреннее разнообразие регионов, идей, людей» (с. 199).

Обзор, столь насыщенный описанием многочисленных событий, очевидцем и активным участником которых был С.М. Шахрай, можно продолжать достаточно долго. Лишь формат предлагаемой рецензии ограничивает возможности авторов данной публикации.

Следует также подчеркнуть, что С.М. Шахрай активно высказывает свое отношение к современному положению дел в нашей стране.

Говоря о положительных впечатлениях от книги, хотелось бы высказать два замечания по отдельным моментам. Оценивая перестройку, автор пишет следующее: «И наконец, самая главная из ошибок Горбачёва, которых можно было избежать, — он не решился пойти на выборы президента СССР всенародным голосованием.

Я думаю, что Михаил Сергеевич зря боялся. Его обязательно бы избрали! Ведь 1987–1989-й — самые яркие годы надежд и ожиданий. “Перемены, мы ждем перемен!”.

Я бы сам за него тогда голосовал и других бы агитировал!

Но Горбачёв предпочел пойти на выборы Съездом народных депутатов, стал договорным, слабым лидером» (с. 145).

Вспоминая ставшую столь уже отдаленной по времени эпоху, можно смело констатировать, что население страны на рубеже 1987–1988 гг. стало уставать от многочисленных выступлений Генерального секретаря ЦК КПСС, когда происходило интенсивное «забалтывание» перестройки. А решения XIX Всесоюзной партийной конференции КПСС были фактически восприняты с недоумением партийным аппаратом и многими членами партии, болезненно относившимися к ломке традиционных структур. Почему автор позитивно оценивает сегодня шансы Горбачёва, если в марте 1989 г. «провалились» на выборах в новый парламент Советского Союза руководители партийных организаций Ленинграда и области, Куйбышевского областного комитета и других регионов? А как отнестись к тому очевидному факту, что сам Михаил Сергеевич был избран народным депутатом СССР не от территориального или национально-территориального округа, а от КПСС (одной из общественных организаций). Представляется, что сама идея выдвижения кандидатов от общественных организаций (что составило 1/3 от общего числа народных избранников) и была задумана с целью прежде всего добиться избрания М.С. Горбачёва сначала народным депутатом, затем Председателем Верховного Совета СССР, а впоследствии и Президентом Союза ССР.

Описывая тяжелую обстановку 1990-х годов, С.М. Шахрай отмечает следующее: «По факту — страна практически неуправляемая, голодная и холодная, стоящая у края пропасти. И в этот момент надо просто решиться сделать то, что сделал в свое время Ленин в 1920-х годах — ввести НЭП. И Гайдар это сделал. Так что, по сути, рыночные гайдаровские реформы — это тот же НЭП, только 1990-х годов» (с. 316).

При всем пиетете, который испытывает автор книги по отношению к своему коллеге по правительству, занимавшему в определенный период пост Председателя Кабинета министров, следует

заметить, что подобные сравнения, образно выражаясь, приведены из разных весовых категорий. Сам Сергей Михайлович буквально в следующем же абзаце говорит о том, что Дэн Сяопин, учившийся в Москве в 1926–1927 гг., именно тогда пришел к убеждению: «экономическая свобода и твердая коммунистическая власть — это и есть формула скачка к экономическому чуду...

В общем, свои реформы Дэн Сяопин “срисовал” у нас» (с. 316).

Но даже указанные моменты служат ярким подтверждением той очевидной истины — книга написана человеком, буквально через себя пропускавшим неудачи, трудности и достижения эпохи, активным участником и свидетелем событий которых он являлся. В этом плане для читателя более яркой и рельефно осязаемой становится столь пестрая, полная противоречий картина формирования основ новой российской государственности и законодательства, начавшаяся в начале 90-х годов прошлого века.

* * *

Книга написана доступным для читателя языком, в ней содержатся авторские оценки жестких по своему содержанию юридических баталий, эмоционально окрашенных политических столкновений, приведены ёмкие, но в то же время объективные характеристики государственных и общественных деятелей. Таким образом, автор своей работой установил своеобразную планку для всех последующих лиц, кто решится написать подобные мемуары, тем более, когда речь идет о столь сложном периоде, начало которому было положено событиями 30-летней давности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. М., 1996. Т. 5. С. 350–352; т. 18. С. 78, 79, 82, 83, 436.
2. *Шахрай С.* Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина. М., 2021. С. 12, 72–74, 76, 81, 82, 124, 126, 127, 137, 138, 145, 189, 191, 199, 316.

REFERENCES

1. Constitutional Conference. Transcripts. Materials. Documents. M., 1996. Vol. 5. P. 350–352; vol. 18. P. 78, 79, 82, 83, 436 (in Russ.).
2. *Shakhray S.* How I wrote the Constitution of the Yeltsin and Putin era. M., 2021. P. 12, 72–74, 76, 81, 82, 124, 126, 127, 137, 138, 145, 189, 191, 199, 316 (in Russ.).

Сведения об авторах

ХАБИБУЛИН Алик Галимзянович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий; 450005 Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131

СУЛТАНОВ Ахсан Харисович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий; 450005 Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131

Authors' information

KNABIBULIN Alik G. — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit of Lomonosov Moscow State University; Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia

GALIEV Farit Kh. — Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technologies; 131 Dostoevskogo str., 450005 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia

SULTANOV Ahsan Kh. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of Ufa University of Science and Technologies; 131 Dostoevskogo str., 450005 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia